

«ЛЮБОВЬ И...»

В литературном институте имени А. М. Горького осуществлён выпуск сборника рассказов. В эту книгу вошли три рассказа нашего земляка, прозаика, слушателя Высших литературных курсов Владимира Самородова.

В этой связи нам показалось любопытным мнение писателя Евгения Попова, который является руководителем (мастером) у Владимира Самородова, по поводу этого сборника.

Если кто-то ещё не заметил, время сильно изменилось. Хорошо это или наоборот, каждый бывший гражданин бывшей страны СССР решает самостоятельно. Литинститут, куда меня при Советах дважды не приняли, сейчас является одним из лучших русских гуманитарных вузов, где учат не только читать, но и профессионально писать **ТО, ЧТО ХОЧЕШЬ**. Ибо цензура и еднoмыслие официально запрещены в нашей стране соответствующими статьями Конституции РФ, и если кто-то эти статьи нарушает, то это его дело, потому что живём мы, разумеется, не на облаке и полоумных у нас хватает. Свидетельствую: для авторов этого сборника Россия родная страна со всеми её, как писал Василий Аксёнов в послесловии к моей первой книге, «отчётливыми мерзостями и таинственными воспарениями». **НАША**, а вовсе не «ЭТА». И любовь есть стержень нашей русской цивилизации, о чём свидетельствует всё наше признанное разумным человечеством искусство. Великолепно, что Литинститут заботится не только о зелёной молодёжи, но и об этих людях, обладающих немалым жизненным опытом и талантом, здорово. Они настоящие писатели, и каждый из них имеет шанс стать литератором не только хорошим, но и выдающимся. Разумеется, в писательских делах это не только от усердия зависит, но и от данного Богом таланта, но в Литинститут неталантливых не принимают. Запомните эти имена и фамилии: Татьяна Гржибовская, Ольга Зюкина, Олег Маслов, Игорь Орлов, Владимир Самородов, Анна Сапожникова, Наталия Суворова, Анатолий Трофимов.

Запомните! Авось пригодится!

Евгений Попов.
Москва, 21 февраля 2025 г.

РАССКАЗ-газета¹²⁺

№ 23 2025 г.
Издаётся с 1991 года

Фото: Елена Васильева

2025 ГОД —
225 ЛЕТ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
БОЛЬШОГО
РУССКОГО
ПОЭТА
ЕВГЕНИЯ
БОРАТЫНСКОГО

ОН НИКОГДА
НЕ УГОЖДАЛ
ПУБЛИКЕ,
ПИСАЛ О ТОМ,
ЧТО ВОЛНОВАЛО
ЕГО ГЛУБОКО,
ПОЭТОМУ
ВОСТРЕБОВАН
И СЕГОДНЯ
В НАШЕМ
МЕРКАНТИЛЬНОМ
МИРЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

Он вырывал самокат из рук, надувал куртку на спине пузырьрём, забрасывал колючие песчинки в глаза, вызывал слёзы, которые слепили глаза, шумел, как шторм на море, когда нельзя купаться, — этот разгулявшийся ветер. Катить самокат навстречу его напору в сто раз труднее, чем когда он тебя подгоняет, зато мышцы напрягаются и работают, как на тренировке по борьбе. И чувствую себя сильным. Но вот мама... Мама шла за Дёмой пешком, без самоката. Она, такая нежная и лёгкая, сопротивлялась напору ветра, отставала, поворачивалась то боком, то спиной, прятала лицо, двигалась маленькими шажками, а ветрище крутился вокруг неё вьюном и будто хотел подхватить и потащить за собой, как ветки, прошлогодние листья и обрывки бумаги.

— Мама! Я боюсь, что тебя унесёт этот ужасный ветер! — обернулся в очередной раз Дёма. Но мама не услышала. Ветер гудел и заглушал его голос, а мама закрыла ладонями уши, потому что на её куртке не было капюшона и шапку она не надела, ведь снег растаял. Зато услышал брат Артём. Он старше, он уже два года в школе отучился, а Дёма мама с папой ещё только собираются отдать в нулевой класс. Артёмка на самокате катается как вихрь, его руки крепкие, ноги накачанные и быстрые. Тренер по борьбе всем ставит брата в пример. А из медалей на победах в соревнованиях бабушка сотворила шторм на окно в их комнате, подвесив на ленточках к карнизу. Медали — с блюдце от чашечки, из которой бабушка по утрам кофе пьёт, золотые и серебряные, звенят и сверкают, когда их колышет ветер, врываясь через приоткрытое окно. Красиво.

Артём крикнул: — Дурак! Мама не пушинка! Никуда её не унесёт! — обхвтал на самокате вокруг младшего брата и помчался во весь дух дальше, по дорожке, выложенной плиткой. Дёма было пустился догонять брата, но всё равно, разогнавшись, тормозил, останавливал самокат, с опаской посматривал на маму, ждал. Она такая красивая, как Двоймочка. А злой ветер опять накидывается на неё, и она сбивается и останавливается, чтобы отдохнуть. Но вот мама догнала Дёму и поравнялась с ним. — Ну и ветер! Умереть можно! — воскликнула она, перекивая шум ветра. Умереть! Такое слово Дёма слышал уже не раз. Но сейчас услышал по-другому. Мама может умереть. Это как? А как же он? Как он останется без мамы? — Мама, что такое умереть? Мама убрала ладошку с одного уха: — А? Умереть? Ну, перестать видеть, дышать, ходить, есть. Ты же видел мёртвого голубя. Дёма озадаченно посмотрел на маму и покатил самокат дальше, только удовольствие от катания почему-то куда-то пропало. Он ехал, а мысли крутились, как пыльные вихри на дорожке. Да, Дёма видел голубя на снегу ещё раньше,

когда зима была, он лежал неподвижно, и глазки его были закрыты, и он не шевелился, когда Дёма пальцем потрогал его твёрдое, как камень, тельце. И голубь был холодный, как снег, и клюв не раскрыл, даже когда он к клювику кусок печенья приложил. Он хотел голубя отогреть, но мама не разрешила взять его в руки. «Он умер», — сказала она.

Неужели мама может, как голубь, умереть? Нельзя, чтобы мама умерла! Дёма бросил самокат на дорожке и побежал к опять отставшей маме, подгоняемый попутным ветром, обхватил её и, захлёбываясь от влетающего в рот воздуха, спросил: — Мама, а ты не умрёшь? Мама не успела ответить. Подскочил брат Артём на самокате, он всегда возникает, как из-под земли. — Дурак! Мы все умрём — и я, и ты, и мама! Слёзы — предательские, обжигающие — брызнули из глаз Дёмы. Дорожка под ногами куда-то поплыла.

— Нет! Он схватился за мамину руку, закинул голову, чтобы видеть мамино лицо: — Мама! Скажи, что это не так! Скажи, что Артём врёт! Он же всегда врёт! Ты не умрёшь! Я не умру! Артём продемонстрировал крутой вираж на самокате и рассмеялся: — Вот дурак! Мама, что он у нас такой дурак?

— Артём, перестань! Так нельзя! Мама обняла Дёму и прижала к себе крепко-крепко, он чувствовал, какая она тёплая, мягкая, как бьётся её сердце, слышал и чувствовал её живое дыхание. Дёма вытер кулаками слёзы — глаза мамы улыбались ему, а он отражался в маминых глазах, мама шептала ему нежные слова, а ветер трещал, перебивал её. Мама была самая живая, какой только можно быть живой.

И Дёма успокоился. Они сходили на тренировку, поужинали, после поиграли с Артёмкой в машинки. Вечером мама отправила их умыться, чистить зубы и ложиться спать. Устроились на кроватях, и пока Дёма ворчал, как это противно — чистить зубы и как шиплет язык зубная паста, Артёмка раскрыл книжку, чтобы читать вслух сказку про мёртвую царевну, как задала учительница. Но читал он не как мама, с выражением, а скороговоркой, быстро-быстро, так что Дёма не успевал понять слов и скоро стал зевать. В конце концов он зарылся в подушку, прячась от света, и собрался заснуть. Артём решил, что можно уже и не читать, потому что некому слушать, выключил светильник и через минуту засопел.

И в этот момент Дёма понял, что страшное «мы все умрём» никуда не делось. Как только он остался в одиночестве, то, что мучило во время прогулки на ветру, опять подступило, окутывая тревогой и страхом. Потому что он не слышал,

ВЕТЕР

ГРЖИБОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА. Родилась в г. Охе Сахалинской области. Живёт в г. Долгопрудном Московской области. Автор публикаций в журналах «Наш современник», «Российский колокол», Журнале «ПОэтов», альманахе «Долгие Пруды», приложении газеты «НГ-Exlibris», литературного сайта «Союз писателей 21-го века». Автор сборников стихов «По алфавиту», М., У Никитских ворот, 2019, «Две стихии. Память рисует картины», М., У Никитских ворот, 2022, историко-литературного издания «Поколение с сиренью», М., У Никитских ворот, 2020, романа-трагифарса «Господин исполнитель» в серии «101 прозаик 21 века», М., У Никитских ворот, 2020. Стихи переводились на немецкий, английский, болгарский, венгерский языки. Состоит в Союзе писателей России.

чтобы мама сказала, что она не умрёт, что он не умрёт. Значит, Артём не врал? Можно было бы спросить у него, когда читали сказку, но Дёма не стал спрашивать, не хотел, чтобы брат опять посмеялся над ним или обозвал дураком. А мама просто пожала его, как маленького? Думала, он забудет, думала, выветрится из головы. А он не забыл. Не выветрилось. И вот оно рядом, это страшное и непонятное «мы все умрём», и руки холодеют, становятся противно-мокрыми, и хочется плакать.

Дёма лежал с широко открытыми глазами и смотрел на потолок, где сталкивались бесформенные тени. Это струя ветра из окна шевелила висящие на лентах награды брата. Три слова — «мы все умрём» — сковывали его, как мороз сковывал того мёртвого голубя. «Ужасный день! Это всё ветер виноват. Лучше бы мы сегодня не катались на самокатах! — подумал Дёма с тоской. — Надо пойти к маме и про всё её спросить».

Он вылез из-под одеяла, прокрался мимо кровати Артёма к выходу из спальни на цыпочках — вдруг проснётся и не даст с мамой поговорить. Но брат посапывал и даже скрип открывающейся двери ему был нипочём.

На кухне взрослые ужинали. Папа с аппетитом жевал листья салата и рассказывал про работу. Работа папы — лечить людей. Мама слушала папу, подперев голову кулачком. Вкусно пахло жареной корюшкой, блюдо с золотистыми рыбками красовалось в центре стола. Бабушка вслух комментировала новости по телевизору, устроившись в кресле.

— О! Сын! Привет! Что не спишь? — удивился папа, увидев Дёму. — Давай к нам, твои любимые отгуренники. — Папа поднял миску с корюшкой. — Видишь?

— Демчик, ты не заболел? — оторвалась от телевизора бабушка, сняла очки и внимательно посмотрела на внучка.

— Иди сюда, малыш, — мама распахнула ему навстречу руки. — Иди, обниму тебя.

Дёма подбежал к маме, уткнулся в её коленки, мамин уютный халат быстро впитал противные слёзы. Прощептал:

— Мама, мне надо тебя спросить... — Спрашивай, малыш. Всё, что надо. — Она ласково гладила его по непослушному ёжику коротко стриженных волос.

Дёма глянул одним глазом на папу — папа подбадривающе кивнул головой: — Спрашивай, Демчик. Дёма повернулся к бабушке. Глаза бабушки добрые и понимающие: — Расскажи, Демчик, что тебя тревожит, почему не спишь? И Дёма решился.

— Сегодня Артём сказал, что мы все умрём. Это правда? В животе — будто сосулек наглотался. Пусть все, бабушка, папа, мама, скажут, что это неправда.

— Угу. Хороший вопрос, — покачал головой папа. — Сынок, ты у меня совсем взрослый стал. Прости, работаю, не сразу заметил. Давай тогда по-взрослому.

Папа не шутил, Дёма это чувствовал. — Сынок, люди умирают, да, когда жизнь прожита. Так её прожить надо! Вот нам с мамой надо вас с Артёмкой до ума довести, выучить. А ещё дом надо достроить. А ещё меня каждый день ждут мои больные, я должен им помочь, чтобы они могли продолжить жить. — Папа помолчал. — А ты вот недавно говорил, что как вырастешь, так женишься. Не передумал ещё?

У Дёмы щёки загорелись. А папа улыбался и подмаргивал ему, будто подбадривал. В груди у Дёмы потеплело, сердце застучало, он сам удивился, как смело ответил, громко, как если бы читал стихи:

— Нет, не забыл, я даже знаю, на ком женюсь, на одной девочке. Только не скажу сейчас. Потому что она ещё не знает. И у нас будет пять детей.

— Ну вот, хорошее дело, — поддержал его папа. — Будем растить внуков. Так что помирать нам рановато, — папа встал из-за стола, подхватил Дёму на руки и поднял к потолку. — Задача номер один — вырасти, а растут, браток, во сне.

Папа поставил Дёму на пол, и он кинулся к бабушке, обхватил её за шею и поцеловал в тёплую мягкую щёку.

— Бабулечка, и ты так думаешь? — Конечно! Вырастай и становись таким большим и сильным, как твой папа. А мы будем рядом, всегда поддержим в трудную минуту, а потом, глядишь, ты нам поможешь. Хо-

рошие дела всегда найдутся. Вот, например, в саду клубнику собирать пора, поможешь? А там и яблоки поспеют. Вот и будет славно. Так что смертушка пусть подождёт. Не до того. А когда уж срок придёт, мне не страшно — ты и Артёмка моё продолжение.

Бабушка погладила Дёму по спинке, как котёнка, и поцеловала в макушку. Ну уж если бабушка так говорит, то так и есть.

Дёма подбежал к маме, забрался ей на колени и ладошками обхватил мамино лицо. Глаза мамы в пушистых ресницах, искрятся, они никогда его не обманывают. Дёма прошептал:

— Мамочка, обними меня крепче! Скажи, что Артёмка врал!

— Демочка, сначала ты мне скажи. Помнишь Кошечу Бессмертного?

— Кошеч? Конечно, помню! Сказка про Лягушку-царевну. К нему Василиса Прекрасная улетела. Кукушкой обернулась. И что? — Кошечей-то — Бессмертный, а чем сказка закончилась?

— Ну, Иван поймал утку, а в ней иголка, он кончик отломил, и...

— И? — в глазах мамы прыгала хитринка. — Кошечо пришлось умереть...

— Во-от, Демочка! Ты сам всё сказал, всё живое когда-то умирает. Даже Бессмертный Кошеч.

Дёма широко раскрыл глаза. — Ну да, а ещё царика, «восхищенья не снесла и к обеду умерла», — вспомнил он слова из «Сказки о мёртвой царевне и семи богатырях». — Вот-вот. Жизнь заканчивается, а вот когда это будет — никто не знает заранее.

Папа подошёл к окну и открыл его настежь. С тёмного неба на Дёму смотрел нарождающийся месяц.

— Ветер, между прочим, закончился, и день тоже, — объявил папа.

— Значит, Артёмка не врал, значит, мы умрём. Только неизвестно когда. Да-а... — подытожил Дёма и сам удивился, что не заплакал. Ему вдруг невыносимо захотелось спать, и он ещё крепче прижался к маме.

— Сынок, ты всё правильно понял. Я хочу, чтобы ты знал, что много-много лет мы будем вместе, будем любить друг друга, читать книги, слушать музыку, выигрывать соревнования, учиться, чтобы знать, как устроен мир и как сделать его лучше, работать, чтобы приносить пользу другим людям, создавать красивые вещи...

— Угу, — согласился Дёма, вздохнула и закрыла глаза — голос мамы звучал размеренно и убаюкивал, будто колыбельная, а слова лечили его истрадавшуюся за день душу.

— Ты говорил, что хочешь стать врачом, как папа, и я думаю, что вы вместе с папой обязательно придумаете, как сделать жизнь длинной и счастливой...

Мама унесла Дёму в спальню и уложила в постель. Она ещё долго что-то нащёптывала ему, сидя на кровати, а Дёма уже крепко спал, успокоенный родным голосом и мамиными нежными руками.

29 мая 2024 года.

ВЛАДИМИР САМОРОДОВ

ЗАБЫТЫЙ БАЯН

РАССКАЗ 12+

Сквозь сон я услышал звуки старой мелодии. Приоткрыв глаза, увидел белый лунный свет в пластмассовом окне нашей палатки и почувствовал, прежде чем утвердиться в этом левой рукой, что супруги нет рядом. С другой стороны, уставшие сыновья, тихо улыбаясь, сопели.

Беспокойные мысли пробежали у меня в голове, но сонное состояние смягчило внезапное волнение. Да и что таить, всегда она волновалась за нас, так что я почти забыл, как это делать. Не понимая, что происходит, попытался опять заснуть, но ночной прохладный воздух, идущий с моря, и музыкальные переливы не оставили мне шанса. Надев шлёпки и шорты, немного повозившись с замком палатки, аккуратно застегнутым под песок, я всё же выбрался на ночной берег.

Сонная голова пьянела от непривычного простора, а тело приятно побаливало от дневного загара. Волны нагоняли солёный морской воздух. Белая полная луна мягко стелила свет на пустынный дикий берег. Я пошёл навстречу луне и звучащей мелодии, вслушиваясь в неё, такую знакомую и забытую. Тёплый песок глушил мои шаги. Присев, я взял его в горсти и стал смотреть и слушать. Он уходил из моих рук, а я брал ещё. Теперь я отчётливо видел её, сидящую в купальнике и резиновых тапочках на раскладной нашей старой деревянной табуретке, крепко держащую в руках баян, плавню сжимающую и разжимающую его. Сильные протяжные басы и короткие мелодичные переливы аккордов вновь и вновь рождали странный вальс. В её стати не было страха перед луной и морем, не было со-

мнения в пальцах, перебирающих длинные ряды клавиш и маленькие круглые кнопки старенького «Этюда».

«Таня, ты ли это?» — подумал я. Да, она смотрела на чёрное море и белую луну, окружённую звёздами, и играла на баяне. На том самом, который нам подарили родители на свадьбу. Один из гостей с её стороны, которого все звали казаком, чуть не испортил нам свадьбу, сильно напившись, и, радовавшийся происходящему, он тогда что-то говорил про силу русских людей... Его никто не слушал, а я был внутренне надменен в тот час и не смог разделить его открытой радости баяну, но моя память взяла его к себе вместе с музыкой. Мне потом говорили, что он воевал, извинялись за его поведение. Казак уже давно умер, а печаль только сейчас настигла меня, поглотив маленькие старые обиды.

Я совсем забыл, что этот баян у нас есть и она умеет играть, даже окончила музыкальную школу в небольшом городке нашего такого далёкого и родного областного центра. Я никогда не понимал, зачем родители отдали её учиться играть на баяне.

А она всё играла, её короткая ножка в шлёпанце в такт отстукивала по песку, выдавливая под ним воду с пеной, мышца то напрягалась, то расслаблялась, как бы общаясь с землёй. Её длинные волосы, заплетённые в русскую косу и убранные за плечо, обнажали спину, которая казалась такой широкой из-за лямок музыкального инструмента. Я этого совсем не замечал раньше, а ведь она никогда не была в парикмахерской и подстригает их сама, просто ровно отстригает себе волосы, так сложно поверить.

Не красит их! На море не загорает, у неё много родинок, ей запрещено длительное пребывание на открытом солнце, поэтому она любит ночное море и так ждала луны.

Мне казалась странным происходящее, но теперь совсем нет, мне давно не было так хорошо, цикады подпевали баяну из кустов, а море дышало с другой стороны. Я смотрел на небо, в нём проявилась Большая Медведица, как будто от проливающейся музыки, которая раскатывалась, слышалась сейчас совсем по-другому, каждая нота, каждый новый музыкальный поворот, я смотрел на небо и наивно ждал падения звёзды. В это время мне показалось, что она начала тихо, волнисто напевать. Но голос был не похож на обычный, то слышался колыбельный протяжный женский голос, то двоился и троился, переплетаясь в голоса родителей, бабушки, бабушки, сыновей, казака... соединялся в вой, уходящий в небо.

О, как холодно, до мурашек, мне было в эти секунды в августовскую ночь. И этот холод так успокаивал воспалённую голову и сердце. Казалось, что луна внимала музыке и хотела, чтобы мы сегодня вышли к ней, такой одинокой, такой далёкой и загадочной, такой похожей на нас.

Это место было настолько безлюдным и диким, что я сначала, когда мы приехали, побоялся здесь остаться, но супруга успокоила меня, и действительно, как оказалось, мы совсем немного не доехали до основного пляжа Евпатории. Сейчас там, в нескольких километрах, на оканье земли виднелись огни и ночная жизнь старого города. Мне думалось, что там жили люди тысячи лет. Мне не верилось, что мы приехали опять сюда, на этот полуостров, но уже с двумя сыновьями.

Анна Савишкова, г. Санкт-Петербург.

Они — такие буйные, белобрысые — слышат эту музыку.

Я смотрел на неё и не мог оторваться. Баян так близко прижался к её груди и радостно звучал, что я начинал ревновать. Неужели я так легко забыл его музыку после свадьбы, баян был совсем не нужен в нашей практичной жизни. Занимал угол кладовой маленькой городской квартиры, лежал забытый, безмолвный.

Подул прохладный ветер, и волна, идущая на меня, должна была намочить мои шорты и обрызгать тело. Я посмотрел на неё. Волна обна-

ла женские ноги, и брызги попали на баян. Так хочется, чтобы он не переставал звучать. На мгновение мне стало страшно, с какой лёгкостью я отпускаю все мелочные и практичные мысли, скапливающиеся столько лет и тянувшие меня к земле, захлывавшие мою голову, в которой когда-то так свободно летали мечты.

Я привстал, и, почувствовав меня, она повернулась, широкое лицо с ровными округлыми щеками и большими глазами, такое родное, улыбнулось мне — я ответил. Баян не переставал звучать, и мы смотрели друг на друга, как и тогда.

СЕРГЕЙ ИШАНОВ

ЛЕТО В СТЕКЛЯННОЙ БАНКЕ

РАССКАЗ 12+

Паша дремал в летней кухне на старой тахте, а по его загорелому лицу скользил невесомой указкой пыльный зайц. За окном звонкими монетами пересыпались голоса друзей, где-то рядом родником звучал голос матери.

Воображаемый мир сна, казалось, застыл, как паук, качающийся на невидимой нити над носом мальчика. Паша спал среди дрожащего зноя лета, запахов скошенной дедом травы и бабушкиных оладий. Непроизвольно шевелились пальцы его рук с чернозёмом под ногтями, сдвигались брови, а дыхание, сродни звукам паровоза, то ускорялось, то притормаживало, словно на полустанке.

Шарик разрыл себе яму под крыльцом, поёрзал в ней, словно примеряясь, и тоже засопел, дёргая лапами во сне.

Шмель покружился у дверной занавески, распугал мух и улетел восвояси, а муравей-трудяга спешил сообщить своим приятелям об оставленной на столе клубнике с пышными боками. Там же стояли трёхлитровые стеклянные банки, наполненные солнцем, зонтиками укропа и огурдами, приготовленные к закваске; на чистом полотенце разложены дольки свежего чеснока, листья хрена и чёрной смородины.

Тишина. Редкая птица в это время поднимается в голубое марево, и редкий человек пройдёт улицей с неприкрытой головой, держа путь к колыду.

Сейчас вся округа знает, что спит Паша, знает и девочка по соседству, остриженная под мальчика, в коротеньком светлом платьице и непослушных сандалиях.

Дедушка с бабушкой лежали в зале, и, как Паша, они сопели...

Утром дед поднял внука, туман ещё густо лежал по низинам, а трава была мокрой и холодной.

Когда дед запрыгал Марусю, незло матерясь, Паша рассматривал сонными глазами подсыревшую сеть с мухами, сплетённую между двумя кустами борщевика. Суетливо у ног тывкал Шарик.

— Запрыгивай, малец, — скомандовал дед. Он бережно укрыл Пашку овчиной, и они поскрипели. Пахло лошадьё и терпким табаком, дед с деревянным лицом и рубленными топором морщинами сидел сбоку, свесив ноги в пыльных кирзовых сапогах. Шарик радостно бежал рядом с телегой.

У плотины толпились и мычали коровы, щёлкал кнут и слышался бидонный говор баб.

На ходу дед перекинулся несколькими фразами с пастухом и, выехав в поле, ударил вожжами по бокам лошади, та недовольно фыркнула и пошла рысью.

Голова Паши торчала из овчины. Дед сказал ему, что они поехали на «дело», а вот на какое, мальчик никак не мог понять, ведь все дела остались дома.

— Держись, Пашка! — крикнул дед. — Сейчас обрыв будем проезжать. Много здесь с пьяных глаз попадаю повозок, а много того не грозит. Эх... Маруся, аккуратнее, держи прямее!

По обе стороны Паша увидел глубокие овраги, его взгляд не ощутил дна — внизу гостевал густой туман.

Ольга Алексеевна Бабкина

— Ничё, я тут с закрытыми глазами проеду, да и Маруся моя наизусть всё знает! А там дальше Валькино болото. Девка такая была в старину, утопилась из-за того, что замуж родители сликом хотели отдать, а она, значит, другого любила, и така любовь была, что водой не разольёшь, но отец её настаивал на другом женихе, партия ему та выгодна была, — разговорился дед.

Когда миновали плотину, дед сказал, что «в его детстве здесь кишели волки, и спасу от них не было».

— Когда я в свою пору с отцом ездил, то он с собой ружьё брал. Ведь волки не раз на лошадь нападения делаали, а то могли и на человека. Такие дела были. А я и сейчас по привычке его беру, оно под сеном у твоих ног лежит.

До этого Паша не мог догадаться, что ему всю дорогу мешает. Он наклонился и нащупал под соломой холодные трубки двустволки. И от этой тайны душа его затрепетала, будто у бывшего охотника.

В небе показался скопец, величаво раскинув крылья, он казался неподвижным.

— Мышкует, — сказал дед, — гордая птица, как орёл.

За плотиной ровными рядами ширилось поле подсолнечника, но шляпки отвернулись от проезжающих, ловя робкое тепло поднимающегося солнца.

Потом дорога свернула и схлопнулась в зарослях подсолнечника. Паше казалось, что конца и края нет этому полю, но вскоре он увидел посадки, а за ними и пасеку.

Шарик для приличия зарычал при виде четвероногого лохматого сторожа пасеки, но быстро разомлел и принялся вилять хвостом.

— Ох, мать моя, встретились! — Услышав шум, вышел к гостям двоюродный брат дед Матвей.

Но как лучше называть этого заспанного пасечника — дедом или дядей, Паша ещё не определился.

— Слезай, малой, пойдём мёдом угощу.

Они прокрались к вагончику мимо дрожащих ульев. Завизжал Шарик, который бросился под телегу и больше из-под неё не вылезал.

— Не бойсь, малой, они своих не кусают, — весело сказал дед Матвей, открывая дверь своего летнего жилища.

Внутри вагончика стоял синий воздух. В углу топорищился топчан, накрытый овчиной, рядом — вешалка с тряпьем и кепкой. Буржуйка с набитым поленьями ртом медленно тлела, томя чёрный чайник. На полу от лёгкого сквозняка шелестела соломка. У окна стоял столик, на нём под газетой подсыхал кусок хлеба, а рядом стояла глубокая тарелка, на которой Паша успел рассмотреть муху. Другая тарелка была накрыта крышкой от кастрюли.

Дед Матвей приподнял крышку, и Паша увидел пузырчатую янтарную вязь, в которой тонули первые лучи солнца, крылышки, ножки пчёл и кусочки перги.

Мальчик то опускал, то поднимал небольшую деревянную ложку вверх, наблюдая, как мёд с неё тяжело стекал, образуя ещё больше пузырьков в пахучем и густом веществе, как к жёлтой нитке прилипают луч солнца, который пробивался сквозь мутное окно вагончика.

Дед достал из рюкзака несколько свёртков, часть из них он передал брату, а маленький, где лежали бабушкины оладьи, развернул и положил перед внуком.

Дед то и дело пил из стакана воду и почему-то морщился, нарезая охотничьим ножом большие куски сала, Паша, поглядывая на него, тоже кривился, нехотя поедая оладьи с мёдом, но поел все.

— Бывай, — попрощался дед с братом и дёрнул вожжами. Обиженный Шарик выскочил из-под телеги, но дорогой развеселился, поднимая стаи воробьёв с подсолнухов.

Раз Шарик испугал стаю куропаток, дед встрепенулся, надував под соломой ружьё, но поздно — птицы вихрем, со свистом сделали малый крюк и опустились неподалёку в поле.

— Ах ты балбес, Шарик, и от тебя толк есть, но извини, не успел я, — развеселился дед.

Показалось кукурузное поле, дед натянул вожжи и медленно заехал в посадки, скрыв в них телегу и лошадь.

— Вот оно дело, о котором тебе говорил, будем воровать кукурузу, а потом траву скосим и забросаем её.

Дед достал косу, потрогал лезвие большим пальцем и принялся рубить растения. Потом он сложил кукурузу на телеге так, чтобы за борт не вывалился ни один англ.

— Пошла, пошла, Маруся, — дед, довольный уловом, поторавливал лошадь.

Паша, сидя на телеге, оторвал молодой початок, повозился с волосами и принялся хрустеть, потом мальчик очистил ещё один.

Доехали до баки. По высокой и густой траве Паше было трудно идти. Дед принялся косой продёлывать тропинку.

— Этот овраг «пьянка» называется, — сказал он, вытирая пот со лба огрубевшей ладонью. — Кто и когда его так назвал, до сих пор неизвестно. Гляди, вон там земляника, иди пока покормишься, а я ещё рядок — и грузить.

Густоту клевера, ромашек и васильков Паша раздвигал ладонями, высматривая землянику, она уже сходилась, но встречались ещё потемневшие ароматные плоды. Неожиданно мальчик наткнулся на гнездо с маленькими яйцами и пухом внутри, дотронулся до них аккуратно, погладил, а в небе над ним яростно бился жаворонок.

— Будя, — подытожил дед. — Пашка, иди, посажу тебя, смотри, держись.

Теперь дед лошадь не погонял, шла она мерно, даже грациозно, покачивая головой. Начинало припекать. Пространство бороздили осы, шмели и пчёлы, а жирные мухи явно летели с пира — запахло падалью. Дед наклонился и увидел разложившуюся лису.

— Сама подохла иль убил кто? — спросил он вслух.

Махнув рукой, он задымил. Воз медленно переваливался с боку на бок, как королева, шедшая из стада домой, трава цеплялась за ветки кустарников, которые густо сплелись вдоль дороги, скрипели колёса и оглобли.

— Здесь раньше деревня была, — показал дед рукой. — Видишь бугры, поросшие бурьяном? Тута дома стояли, а вон там забор ещё остался и колодец-журавль, действующий. Пойдём, Пашка, попьём заодно.

Солнце, отлупнув от кончиков деревьев, устремилось вверх, стало напекать русую макушку мальчика. Шарик, высунув язык, семенил рядом.

— Затянуло, одни жабы внутри, эка дело, — с досадой проговорил дед и выгоревшую фуражку прислонил к груди, как на похоронах. — Не удалось испить водицы, ну что ж, до села недалого осталось, поехали.

Дед оторвал травинку, вставил её в рот и стал о чём-то неразборчиво бормотать.

Паша вдруг подумал, что он когда-нибудь умрёт, а потом умрёт бабушка и он сам. Но самому не хотелось умирать, а старикам надо и необходимо, ведь умирают соседи — старики, и сосед дед недавно умер, сто лет ходил, долго ходил, но умер.

Сидеть на возе Пашке понравилось, здесь хороший обзор, и он выше деду. А когда он слезал с телеги и шёл рядом, то Пашка оказывался даже выше лошади, только вот страшновато покачивало из стороны в сторону.

Вдали блеснули крыши домов и вновь вспыхнули подсолнухи, значит, скоро будет Валькино болото и страшная переправа, где и земли с плотины не видно. Но дед умело провёл лошадь, а Паша с опаской опять посмотрел в глубокий овраг, в котором после тумана показалась маленькая речушка. Поросшая камышом, она казалась змейкой.

Наконец-то добрались до дома. Шарик, напившись воды, упал у крыльца, часто дыша, высунув мокрый язык.

Дед снял внука с телеги, передавая его бабушке. Они отправились на летнюю кухню пить молоко с вареньем и оладьями. Варенье Пашке нравилось больше, чем мёд на пасеке, так он и сказал бабушке, но почему дед морщился от воды, ему никто не разъяснил.

После Паша прилёг на тахту, наблюдая, как бабушка крутится около стола с огурдами, готовя их к закваске. А потом ему что-то снилось, только он не запомнил, что именно.

ЛИЦЕЙ № 21 — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ!

Вкладка в нынешний номер «Рассказ-газеты» посвящена лицей № 21. Его история восходит к XIX веку, когда в южной части Тамбова воз-

никла Варваринская церковь. При ней размещалась в одноэтажном доме одноклассная школа с двухлетним сроком обучения... В этой школе, а теперь лицее, работали и сегодня трудятся прекрасные учителя, которые, в сущности, и определяют его престиж и высокий уровень. Сегодня МАОУ «Лицей № 21» возглавляет выпускница этой образовательной организации Вера Георгиевна Рудник:

— Наш лицей имеет богатую историю, прекрасные традиции, но при этом мы никогда не останавливаемся в своём развитии, ищем творческие решения в организации учебного процесса. Современная история лицея начинается в 1990-е годы, когда в нашей стране и регионе произошли колоссальные социально-экономические перемены. В те годы органы внутренних дел испытывали существенную потребность в высококвалифицированных специалистах. Поэтому совместно с УВД Тамбовской области в наших стенах были созданы специализированные классы с углублённым изучением основ юридической и специальной подготовки по профилю милицеейской службы. С тех пор юридическое направление образовательной деятельности для нас приоритетное.

С 1994 по 2014 год наша школа неоднократно меняла образовательный статус, начиная от школы-юридического лицея и заканчивая муниципальным автономным общеобразовательным учреждением «Лицей № 21».

По итогам независимого анализа образовательных результатов, проведенного Московским центром непрерывного математического образования лицей № 21 был включен в рейтинг: в 2013, 2014 году в ТОП-500 лучших образовательных организаций; в 2016, 2017 годах в ТОП-100 общеобразовательных учреждений социально-экономического профиля и социально-гуманитарного профиля; в 2017 году в ТОП-200 общеобразовательных организаций, обеспечивающих высокие возможности развития способностей учащихся.

На уровне среднего общего образования образовательная деятельность в лицее организована на основе индивидуальных учебных планов. Наибольшее число учащихся 10-11 классов изучают на углубленном уровне предметы «История», «Обществознание».

На базе нашего лицея работает городской ресурсный центр правового образования. Он проводит образовательные мероприятия как для наших учащихся, так и для школьников других школ города Тамбова. Чтобы учащимся было интересно, мероприятия проводятся в виде интеллектуального состязания. На этапе подготовки ребята серьёзно готовятся по теме, которую предполагается обсудить в рамках очередного заседания.

У городского ресурсного центра образовались устойчивые связи с государственными и общественными организациями, занимающимися проблемами правового просвещения граждан, а также с Избирательной комиссией Тамбовской области.

В рамках деятельности ресурсного центра педагоги лицея знакомят лицистов с избирательной системой Российской Федерации, а творческие конкурсы в рамках этого сотрудничества позволяют детально освоить алгоритм избирательного процесса.

Наши ребята посещают кружок по праву на базе юридического института ТГТУ. Каждый выбирает тему для исследования, осуществляет анализ правовых ситуаций, выступает на конференциях...

В Тамбовской областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина реализуется информационно-образовательный проект «ПравОриентир». Наши ребята с интересом принимали в нем участие.

Следует сказать ещё и о том, что наши лицисты не только участвуют в различных олимпиадах по избирательному процессу, но и становятся победителями и призерами Заключительного этапа Всероссийской олимпиады по избирательному праву и избирательному процессу «Софиум». Так в 2025 году победителем Всероссийской олимпиады школьников «Софиум» стала Ампилова Анастасия, а призером олимпиады третьей степени стал Шуняев Максим, учащиеся 10 класса.

Наши ребята принимают участие не только в образовательных олимпиадах и конкурсах, но и в спортивных состязаниях, занимаются литературным творчеством...

«СЧАСТЛИВЫЕ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ»

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА КОЧЕТОВА (АРТЁМИНА) В ЭТОМ ГОДУ ОТМЕЧАЕТ 70 ЛЕТ СО ДНЯ ВЫПУСКА СВОЕГО РОДНОГО КЛАССА ШКОЛЫ № 21

Директор школы Ольга Дмитриевна Дорохова (в центре), учитель русского языка и литературы Александр Васильевич Сохранский (справа), учитель математики Екатерина Андреевна Григорьева (слева). Верхний ряд (вторая справа) Валентина Кочетова (Артемина).

Сегодня, наверное, трудно представить, но когда-то мальчики и девочки раздельно учились в школах. Эта традиция была унаследована из дореволюционной России. Нужно отметить, что подобных традиций было немало в советской школе, просто это воспринималось как само собой разумеющееся, что-то весьма обыденное и привычное.

Взять, к примеру, школьную форму, конструкцию парт, в конце концов, школьный сад. В советские годы при каждой школе был свой небольшой участок, где росли плодовые деревья, кустарники, а также выращивались овощи. И дело даже не в практических занятиях по ботанике, просто люди того времени не мыслили своей жизни без сада — как особого места отдохновения. А еще была и общешкольная зарядка под фортепианную музыку. Это сегодня молодежь «качается» в спортивных залах с каменными лицами, а в те времена физическая культура подразумевала не банальную тренировку мышц, а развитие грации. А что такое грация? Знаменитый поэт, философ и драматург Шиллер утверждал, что в грации выражается нравственная и духовная утонченность. И это, действительно, так. Достаточно посмотреть на фотографии выпускников русских школ даже тяжелых военных и послевоенных лет. В юношах и девушках какая-то особенная стать, духовный стержень. Конечно, это уже была советская школа, со своей идеологией, принципами, стандартами обучения, но все же в ней сохранялись лучшие традиции русской школы в широком понимании этого слова. Почему? Все просто. Многие учителя были носителями высокой культуры, когда в человеке, прежде всего, ценились порядочность и человеческое достоинство.

Как же было интересно говорить обо всем этом с Валентиной Ивановной Артёмовой (Кочетовой), выпускницей школы № 21 Тамбова 1955 года (!). Иными словами, Валентина Ивановна в этом году отмечает 70 лет со дня выпуска своего родного класса. В школу она пошла в победном 1945 году. Но, увы, на сегодняшний день осталась одна-единственная одноклассница моей собеседницы Раиса Потапова (Осипова). По словам Валентины Ивановны, одноклассницы всегда поддерживали друг друга, постоянно созванивались.

Кстати, это был последний «девичий» выпуск этой школы. До сегодняшнего дня Валентина Ивановна помнит по именам не только своих близких подруг, одноклассниц, но и всех своих учителей.

— Я очень многим обязана своим учителям, которые не только терпеливо и настойчиво учили нас, они ещё старались вложить в нас все хорошее. Время показывает, что одних знаний мало, важно воспитать хорошего человека с гражданской позицией. Учителя часто приходили к нам домой: интересовались нашей жизнью, даже советовали родителям, чем нас

подкормить. Без преувеличения могу сказать, что школа меня сформировала как личность, она, действительно, стала для меня вторым домом. Учеба, занятия в кружках, общественная нагрузка, даже работа на нашем пришкольном садовом участке — все мне было в радость и в удовольствие. Я просто бежала в школу, там всегда было интересно! — говорит Валентина Ивановна.

С невероятной теплотой и любовью Валентина Ивановна вспоминает о своей первой учительнице Варваре Дмитриевне Быстровой. Так сложилось, что во втором классе она стала учиться у Людмилы Михайловны Корчагиной. Педагоги были разными по характеру, возрасту, темпераменту, но в них органично сочетались педагогическая строгость и человеколюбие, душевность.

Детей трудно обмануть, они, не имея жизненного опыта, все равно весьма чувствительны, безошибочно улавливают отношение к ним взрослых людей. И не случайно в старших классах учительнице математики Екатерину Андреевну Григорьеву называли — «Екатерина Великая». Она никогда не подавляла, а, напротив, открывала учеников, добивалась, чтобы каждый школьник усвоил ту или иную тему, и только потом переходила к новой теме.

А Любовь Васильевна Берестова, учитель русского языка и литературы, превосходно читала Маяковского.

«Девочки всегда просили еще и еще почитать вслух стихи Маяковского. Согласитесь, трудно полюбить этого поэта революции, но благодаря Любови Васильевне, мы полюбили Маяковского на всю жизнь», — говорит Валентина Ивановна.

Интересно, что внука Валентины Ивановны называли в честь поэта Владимиром.

Нельзя обойти вниманием ещё одного неординарного педагога. Одно время русский язык и литературу у девочек выпуска 1955 года преподавал Александр Васильевич Сохранский. Жителям нашего края он еще известен как краевед, собиратель фольклора, автор сборника «Легенды и предания Тамбовского края». Эта книга сегодня пользуется особой популярностью у любителей «преданий старины глубокой». Мало кто знает, что он был из семьи священника. Начиная с 1907 года, педагог серьезно увлекался краеведением, состоял в Тамбовском археологическом обществе. Некоторые результаты своих исследований Александр Васильевич публиковал в столичных журналах.

А сколько восторженных слов я услышал от Валентины Ивановны об учителе английского языка Михаиле Петровиче Волконском. У него также непростая судьба. Потомок декабриста и его супруга Кира Георгиевна перебрались в Тамбов в 1949 году. В конце сороковых годов некоторые русские эмигранты решили вернуться на Родину. Семья Волконских, не получив разрешения обосноваться в крупных городах, выбрала Тамбов: Михаил Петрович еще до революции бывал здесь и сохранил о нашем городе добрую память.

Кира Георгиевна и Михаил Петрович начали работать преподавателями иностранных языков. Свои предметы они знали в совершенстве. Ученики же просто обожали Киру Георгиевну, которая работала в школе № 65, и Михаила Петровича.

Благодаря Волконскому девочки школы № 21 успешно осваивали не только английский язык, но и расширяли свой кругозор. Михаил Петрович часто рассказывал о культуре и традициях зарубежных стран. Он проработал в школе до 1954 года.

Без преувеличения Михаил Петрович — это уникальная артистическая личность. Обучаясь музыкальному искусству в Милане. Пел в Белградской опере, позже в Париже... Он известен как переводчик, писатель... В нашей стране был принят в Союз писателей СССР. Общение с такими людьми запоминается на всю жизнь.

Безусловно, микроклимат в школе, подбор кадров, бытовые вопросы — все это лежало на плечах директора школы Ольги Дмитриевны Дороховой. Из её биографии известно, что сначала работала учителем женской гимназии, школы № 11. С 1941 года — завуч, затем директор школы № 21. Заслуженный учитель школы РСФСР (1959). За выслугу лет и безупречную работу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1949 года награждена орденом Ленина, а также медалями «За трудовую доблесть» (1944), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946), знаком «Отличник народного просвещения».

Мне не хочется все рисовать в радужных тонах, жизнь, как говорят, есть жизнь. Но все же не случайно в военные и послевоенные годы долгое время школу № 21 называли «Дороховской». Народная любовь не бывает на пустом месте. Хочу привести красноречивую цитату из мемуаров тамбовского педагога и краеведа Нины Хлебниковой: «...Я знала одну историю, которая, по-моему, дает полное представление о Дороховой как о человеке. Однажды, кажется, перед войной, из ворот тюрьмы вышла женщина и побрела по городу. Ее как жену врага народа долго мучили, но потом решили отпустить, и теперь она шла к своему дому. Напрасно. В квартире уже жили чужие люди. Она попробовала найти приют у знакомых, но перед ней закрывали двери. Ольга Дмитриевна подняла ее на улице, совсем обессиленную и отчаявшуюся, и привела к себе в дом... (Дорохова мотивировала свой поступок тем, что нашла себе домработницу. — Прим. автора статьи.) И несчастная женщина прожила у Дороховой до самой смерти — не столько как домработница, сколько как подруга или, как раньше сказали бы, компаньонка».

Конечно, ученики в те годы мало задумывались о непростых судьбах своих учителей, которые старались все сделать для того, чтобы у них было счастливое детство. И, судя по воспоминаниям Валентины Ивановны, это им удалось в полной мере.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Л. Б. Дымова,
выпускница школы № 21,
работала в родной школе
учителем математики
и завучем.

« Я пошла в первый класс 1 сентября 1958 года. В мае сделала фотографию, на которой я рядом с Дороховой О. Д. Она была очень строгая. Всегда в костюме, блузке, обязательно брошь и пенсне. Высокая, статная, стройная. Она мне казалась человеком, закончившим гимназию или Институт благородных девиц. Я была очень маленькой, но хорошо помню, что, когда директор шла по коридору, все вытягивались в струнку.

Запомнился учитель русского языка и литературы Сергей Андреевич Саблин. У него было прозвище «Артист». Ставил настоящие спектакли с декорациями, костюмами по произведениям А. Н. Островского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева. Мы были зрителями.

Т. С. Капустина,
учитель английского языка.
Выпускница школы № 21.
В первый класс пошла в 1956
году. Работала в родной школе
завучем начальных классов.

« Когда мы должны были идти в первый класс, в школу пришла молодая и неопытная учительница Тихомирова И. С. Мы попадали к ней. Родители очень волновались, боялись, что она не справится, и хотели к опытному учителю. Тогда Ольга Дмитриевна сказала, что надо учиться у молодого учителя, потому что у молодых все получается лучше. Она продвигала молодежь.

Школа славилась художественной самостоятельностью. Работала тогда учителем музыки Жутеева Любовь Леонидовна. Она писала музыку сама и написала оперу «Кошкин дом» по одноименной сказке. Оперу поставили, и мы с ней гастролировали по школам. Я играла первого котенка. А Боря Герасимов — второго. (Борис Иванович Герасимов, педагог, доктор технических наук (1994) и экономических (1999) наук, профессор. Почётный работник высшего профессионального образования. До 2016 преподавал в Тамбовском институте химического машиностроения (ТГТУ), декан экономического факультета, заведующий кафедрой экономического анализа. В 2016 переехал на работу в Москву. Автор свыше двухсот научных трудов).

Запомнились гастроли в Суворовское училище (теперь это корпус ТГТУ). Суворовцы нас качали на руках. Хоры были огромные. Художественная самостоятельность занимала большое место в жизни школы и была высоким уровнем.

Юлия Алексеевна Лёвшина
(1925-2009),
окончила школу № 21,
35 лет работала доцентом
кафедры литературы
Тамбовского государственного
педагогического института
(ТГУ им. Г. Р. Державина).

« Любимым учителем по литературе был Вячеслав Михайлович Шермаркевич (ученики называли его «Вяч» — ред.). По-видимому, был он из поляков... Из слов моей тети Анны я знала, что в городе в среде учительства Шермаркевича звали Златоустом и он руководил методическим объединением учителей-словесников. Действительно, речь его была прекрасна, безукоризненно грамотная, без всякого акцента и диалектных особенностей, удивительно ясная — по отношению к нам, обожающим его учеников. Его любимая форма урока по литературе — лекция, а по русскому языку — беседа. Когда не просто что-то объясняется, а расчет делается на участие и учащихся в объяснении того или иного языкового явления.

«МОЙ ВЕК. МОЯ ИСТОРИЯ»

Книга «Моя век. Моя история» была выпущена к 100-летию со дня рождения заслуженного работника культуры Российской Федерации, библиотекаря, художника, краеведа, поэта Нины Перегуд (23.12.1924—24.05.2006).

Издание осуществлено «Тамбовским библиотечным обществом» при поддержке Министерства культуры Тамбовской области. Составители сборника — большой круг специалистов Тамбовской областной детской библиотеки, где она проработала 47 лет. В книге собраны стихи, статьи, мемуары, книжные иллюстрации, шаржи Перегуд, а также воспоминания её друзей. Можно сказать, что это еще один реверанс коллег Нине Фёдоровне. Нина Федоровна Перегуд — яркий пример такого служителя просвещения. Её образ — это не столько напоминание о былом, сколько ориентир для будущего. Судьба Нины Перегуд была, увы, омрачена репрессиями. В 1941 году пятнадцатилетнюю девочку, которая училась в школе № 21, по ложному доносу арестовывают вместе с отцом. Расстрел отцу заменили десятью годами заключения. Нина провела пять лет в заключении. Об этом страшном периоде своей жизни она напишет в 1989 году. «Тамбовская правда» (сегодня — «Тамбовская жизнь») в нескольких апрельских номерах опубликовала её мемуары. И все же большую часть сборника занимают стихи Нины Перегуд. Мне почему-то кажется, что поэзия для Нины Федоровны не банальное увлечение, а тихое желание наполнить свою жизнь возвышенным смыслом.

Стихотворение, посвященное однокласснице Юлии Лёвишиной

ЮЛЯ!

Возьми себе на память песню.
Она тебе напомнит враз
О школе, радостной, чудесной,
О том, как весел был наш класс.

Где б ни была ты — помни, Юля,
О нашем Вяче дорогом,
О Цне, сверкающей в июле,
О нас, о классе, обо всём...

Представь, что снова ты в Тамбове
Сидишь за партою в тоске:
С тобой мы обе наготове,
Сейчас нас вызовут к доске.

А на контрольных, помнишь, Юля?
Боюсь я, боюсь я, правильно или нет,
Тебя толкаю и шепчу я:
«Скорей, скорей пиши ответ!»

А помнишь класс, уютный, тесный,
Где меж рядами не пройти?
Да, «девяток Б» был класс чудесный,
Дружнее в мире не найти.

Учителей ты всех любила,
Забывать тебе о них нельзя.
А мы: Тамары, Любы, Мила,
А Воробаева, а я?

Года нас крепко всех сдружили,
Про побратимство не забудь!
Как хорошо всегда мы жили,
Сойдемся мы когда-нибудь?!

Война промчится, Юля, скоро,
В Тамбове встретимся опять.
И снова в чудной шумной школе
Учиться будем и... сдирать.

Борисов будет вешать карты
(Как самый длинный изо всех).
Опять перестановим парты,
Опять промчится в классах смех.

Пусть тесен будет класс и школа,
Зато в нас дружбы бьет волна!
Сойдется снова класс веселый,
Когда окончится война.

Так не забудь про класс любимых,
Прощай, подруга, добрый путь!
Все в нашем классе — побратимы.
Сойдемся мы когда-нибудь!

ТАТЬЯНА РОДИОНОВА,
ПЕДАГОГ

Перевод стихотворения
У. Уитмена «О, капитан! Мой капитан!»

О, капитан! Мой капитан!
Окончен трудный путь.
С победой нам пора домой корабль
свой вернуть.
И близко порт. Колокола и возгласы
я слышу,
Пока бежит взгляд по знакомым
улицам и крышам.

Но сердце, сердце, сердце!
Под грудью — ураган.
На палубе передо мной —
Погибший капитан.

О, капитан! Мой капитан!
Вставайте, люди ждут!
Вставайте! Вам колокола
приветственно поют!
Для вас был поднят флаг,
для вас на берег вышли люди,
И вас они зовут, толпясь
и полихая грудью!

Вот, капитан, отец мой,
Моя рука для вас.
То сон, что ваше сердце
Не бьется в этот час!

Но капитан не отвечал
и лишь бледнел в молчаньи.
В своем отце я не нашёл ни пульса,
ни дыхания.
Корабль пришвартован был,
конец счастливый встретив.
В глазах людей он победил
лазурным часом этим!

Ликуй, народ! Встречай его!
А я в глухом бреду
Без капитана моего
По палубе иду.

КОРАБЛИК

Посвящается М. Ю. Лермонтову

Окошки пароходных глаз
Закрылись на мели...
Вы видели хотя бы раз,
Как тонут корабли?

Среди морских печальных льдов
Найды себе приют,
Они на кладбище судов
В молчании идут.

Железо стонет тяжело,
Ломаются пластины.
Не заскрипит уже весло,
Не зашумят турбины.

Но есть в просторе диких волн
Кораблик молодой.
Не из железа сделан он,
А выведен строкой.

Не уголь и не пар его
Питают средь громад,
А утреннее зарево
И огненный закат.

Душевный сон далек ему,
Ведь он, забыв покой,
Любому одинокому
И бунтарю родной.

Лазурью текут года,
А он, во имя бури,
Не перестанет никогда
Давать отпор лазури!

Не пропадет мой капитан
Из рубки рулевой,
И паруса могучий стан
Не будет взят волной!

ОСЕНЬ В ТАМБОВЕ

Тебя не любят в эту пору,
И всё же, знаешь, город мой,
Не поддавайся ты укору
И не туши огонь златой.

Нам в лужу наступить нетрудно,
И слякоть мы легко найдём

И будем долго, будем нудно
Браниться, стоя под дождём.

Автобус брызгами окатит,
Промочим ноги, заболеем...
И так весна была бы кстати!
Так летом ярче, зеленее!

Но не грусти о них, Тамбов.
Твои верхушки жёлтых клёнов
Родней мне будут миллионов
Июльских радужных цветов.

Рябины ягоды на ветках
В касанье тихом ветерка —
Веснушки солнечного света
На девичьих худых руках.

На Цне — холсты багряной сказки,
А в школах — бодрый перезон.
Театр нам на Астраханской
Откроет заново сезон.

Пусть будет слякоть, будут лужи,
Пусть брызги бьют из-под колёс!
Бесчинства этой серой стужи
Не отпугнут осенних грёз.

И, в копны жёлтых снов ныряя,
Награждена за озорство:
Болею гриппом. И чихаю.
И это стоило того!

ЛЕНЬ

Страшный свой секрет открою:
Есть один грешок за мной.
Мне, вы знаете, порую
Лень пошевелить рукой.

Лень убрать носки с кровати,
В доме мебель протереть.
Я устала — так некстати,
Не поможет даже плетъ.

Ну и что? Через минуту
Всё почищу, приберу,
Гору вымою посуды
Сквозь домашнюю хандру.

Не критично. И проходит.
Только в сердце холодной,
Когда вижу я в блокноте
Пустоту утёкших дней.

«Вдохновенья нет!» — бывало,
Так оправдывалась я.
«Не о чем писать — и мало
Времени среди житья».

Из всего — одно правдиво:
Время никого не ждёт,
И сурово, и ревниво
Страшный счёт годам ведёт.

Мне вчера — всего пятнадцать,
А сегодня — двадцать два.
От стихов отвыкли пальцы,
Зачерствела голова.

На цветение природы,
На рождение весны,
На удачи и невзгоды
Я смотрю со стороны.

Лень пошевелить рукою
Мне, вы знаете, порой.
С тем и остаюсь — немой,
Незаметной и пустой.

Впрочем, и у лежебоки
Есть надежда сквозь унылость:
Всё-таки я эти строки
Написать не поленилась!

ИВА

Любимой Тропинке и иве,
растущей за ее окном.

Ива за окном встречает
Нас уже так много лет.
Я порой не сплю ночами,
Чтобы ей прочесть куплет!

Я люблю — по воскресеньям,
Взглядом причесав ей косы,
Выразительно, с весельем
Вслух читать страницы прозы.

Я люблю тот самый миг
Между утром и полуднем,
Когда жизни грузовик
Уж не кажется мне трудным.

И назло судьбе, строптиво,
Знаю я: когда умрёт,
То на месте этой ивы
Заново росток взойдёт!

ДЕДУШКЕ

Памяти Владимира Николаевича Родионова

Не люблю больницы я.
Мы с тобой похожи в этом,
Как похожи лицами
И любовью детской к лету.

Мой товарищ. Мой двойник.
Лето скоро возвратится
Вкусом ягод-земляник,
Пением весёлой птицы.

Нос не вешай. Улыбнись,
Заключённый поневоле.
Мы должны стремиться ввысь
Соколами в чистом поле

И должны — пока живётся —
Жить — всем трудностям назло,
Пока светит в небе солнце
И даёт душе тепло.

И нельзя нам быть иначе,
Вот основа вывода:
Нет у нас другой задачи,
Нет другого выхода.

Дедушка, тебе желаю
Леску туже натянуть
И крючком с речного края
Рыбе взбаламутить путь!

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ФОМИЧЕВА,
ПЕДАГОГ
ПРОЩАНИЕ

Земля прощается с теплом
И жаждет насладиться солнцем,
И всем своим великим естеством
Лучами насыщается до донца.
И золото небес спускается в леса.
Вода прозрачная в раздумье
застывает.
Уставшая красавица-земля,
Любви издевав, засыпает.

ТВОРЧЕСТВО

Стихов я больше не пишу.
Такая блажь совсем не в радость.
Но, испытав тоску, пойму,
Что и забвенье нам на сладость.
Когда глаголы от всего
Меня на свете отвлекают,
Парю я в мыслях далеко
И сердце трепет обретает.
И вот сажая я зерно,
И влагу для него собираю,
И слово верное, одно,
Ищу, плевелью отмечая.
И вот лелею я росток,
Пока смятенье не угаснет,
И вновь передо мной листок.
Пока что белый и бесстрастный.

МОЛЧАНИЕ

Я жду падения звезды,
Чтобы приблизить откровенье,
Зачем и для какой судьбы
Ее назначено паденье?
Я жду падения звезды
Одной, единственной, желанной,
И гаснет пламя суеты
Всей нашей жизни бесталанной.
Я жду падения звезды,
Как ждут заката иль рассвета.
Из дикой, гулкой высоты
Я знака жду или... ответа.
Я жду! Но космос молчалив,
А вечность вежливо учитива.
И звезды, бег остановив,
Душе не внемлют сиротливой.

БАБУШКА

Я помню: бабушка сказала,
Что с нею было все вчера:

Босой девчонкою бежала,
А оглянулась — не жила.
Я не поверила, что годы
Секундой могут пролететь,
Что есть такой закон природы:
Родившись, сразу постареть.
И мне казалась жизнь дорогой
Из бесконечных лет и зим.
И разве мир устроен сложно,
Когда мы весело глядим?
А бабушка на нас смотрела,
На внуков (счетом ровно шесть),
И вычисляла, что не худо б
На свадьбы наши посмотреть.
«В породе нашей не бывало
Такого счастья никому».
Не говорила, а вздыхала:
«Нет, видно, я не доживу».
Я помню, бабушка, все помню...
Ласкают нас твои глаза.
Но как же, бабушка, так вышло,
Что я как будто не жила?

Я вижу, как летит звезда,
Все за собой вослед сжигая...
Зачем погибнуть ей пора?
Зачем она так умирает?
И никогда, и никогда
На небе ей не повториться...
Но если падает звезда,
Она надеется родиться!

ЕЛИЗАВЕТА ТУРЬЕВСКАЯ,
УЧЕНИЦА 6 КЛАССА «В» МАОУ «ЛИЦЕЙ №21»

ВЕСНА

Вышло солнце: не было долго.
Вновь оживают сады,
Сияют улыбки простого народа,
Растения просят воды.

Ласточки громко щебечут,
Кошка мурлычет в тени,
Снова всё расцветает
С приходом прекрасной весны.

Вот речка проснулась журчащая,
И вылез тюльпан из травы.
Природа такая манящая!
На всех её хватит красоты!

А к вечеру солнце в закате
Не хуже дня удивит.
Ложись-ка ты спать, ведь завтра
Весна тебя станет будить!

ЗИМА

Замело, завьюжило, замело!
Наступила зима, и пропало тепло.
Сугробы повсюду, снежинки в лицо!
И лужи со снегом, где летом цвело.

Метели и вьюги, несуте меня
Увидеть пустые мороза края!
Взгляни, вот же диво — утро белеет!
А на ладони снежинка затлеет.

ДАРЬЯ НОВИЧКОВА,
УЧЕНИЦА 9 КЛАССА «Д» МАОУ «ЛИЦЕЙ № 21»

МАТЬ ОТЕЧЕСТВА

В ней было всё. Могущество и сила.
И прочность нервов не отнять.
Неповторимая, Великая Екатерина!
Она ведь наша, русская.
Давно пора понять.

В ней блещет патриот.
И мужества сполна.
Нас гордость пробивает с полуслова.
Ведь Бог послал её нам неспроста.
Её следы мы вспоминаем снова.

Заботой, верою Отечество любила.
Не посягнуть на наши земли никому!
В крылатых выражениях так красива.
Служила лишь народу своему.

Немка стала русской навсегда.
В ней русского побольше,
чем в других.
Все вспоминают:
«Мать Отечества она!»
В России больше нет и не было таких!

ЭДУАРД ЕМЕЛЬЯНОВ

1.

В восьмидесятые годы многие мальчишки собирали монеты и почтовые марки, некоторые предпочитали этикетки и военные пуговицы. Максим же коллекционировал бумажные деньги. Он находил, что через банкноту можно понять характер, достижения, а то и душу той или иной страны.

Однажды отец Максима принёс домой одно-долларовую банкноту. Кто-то из коллег подарил ему, зная увлечение сына. В то время большинство людей никогда не видели эту диковинку. Максим был в восторге, и его коллекция сразу же задрала нос. Взрослые люди с нескрываемым интересом рассматривали эту зелёную бумажку.

С англо-русским словарём Максим перевёл все надписи на долларе. Из энциклопедии он узнал, кто изображён в чёрном овале с причёской, как у его учительницы музыки, вот только не смог понять, зачем на вершине пирамиды вместо камня пристроили чей-то глаз, но без головы и тела. Он часто приносил свою коллекцию в школу, показывал её одноклассникам и даже учителям, а доллар вообще частенько носил с собой. Но повзрослев, Максим старался даже в руки не брать однодолларовые купюры...

2.

В последние годы существования Советского Союза во дворе Максима появился неизвестный. Звали его Сашок, и было ему чуть больше тридцати лет. Дружил он с теми, кто давно вернулся из армии или кто уже работал, но по привычке искал компанию во дворе. Максим слышал от друзей, что Сашок сидел в тюрьме лет двенадцать или четырнадцать, а за что — не говорил.

Май в том году выдался тёплым, и дети с нетерпением ждали летних каникул. Когда Максим гулял с друзьями во дворе, ему одноклассник тихо сказал: «Тебя Сашок просит подойти, вон он сидит там на лавочке».

Максим удивился. Было принято — кто был намного старше, не общались с подростками, разве что могли шумнуть, если кто-то сильно орал, или спросить о чём-то незначительном.

Максим сразу почувствовал что-то нехорошее, но подошёл к Сашку.

— Присаживайся. Тебя, кажется, Максом зовут?

— Да, — ответил подросток и присел на скамейку.

— Слушай, Макс, ты, говорят, деньги собираешь, и у тебя есть американский рубль — долларом называется.

И Сашок как-то по-идиотски засмеялся.

— Ну есть, — спокойно ответил Максим.

Максима часто взрослые люди спрашивали про коллекцию, но всегда бесцельно, а здесь его насторожил низкий тон Сашка.

— Ну вот и хорошо. Ты мне отдашь этот доллар.

— Я не могу.

Максим хотел было добавить, что доллар отцовский и он сразу узнает, но Сашок опередил его и продолжил.

— Знаешь, я давно за тобой наблюдаю, и ты мне не нравишься. Если доллара у меня не будет, то когда буду пьяным, то такую тебе жизнь устрою, что пожалеешь.

Лицо Сашка было жутким и каким-то отравленным, казалось, что из его коричневых глаз тянутся тощие цепкие ручонки и хотели схватить за грудки. От него веяло перегаром, а от вязаной кофты — прелой кошачьей мочой. Максим просто боялся смотреть на него и всё вглядывался на дорогу, надеясь, что сейчас пойдёт кто-нибудь из родителей и его позовут или он сам вскочит и побежит к ним. Однако никого не было видно. Он понимал, что сейчас с ним происходит что-то страшное, но не знал, как это пресечь. До этой минуты взрослые люди разговаривали с ним в присутствии родителей. Кто-то гостинец ему принесёт и по головке поглядит, а кто-то в комнате внимательно посмотрит на его книги и про учёбу спросит. Да и Максима учили всегда уважать взрослых, не перечить им и быть вежливым. Конечно, бывало, что он огрызался и слышал грубость в ответ, но угрозу настоящей расправы от человека, который на двадцать лет старше, ещё никогда.

Как разговор закончился, он не помнил, но когда шёл по двору, то всё вокруг него менялось, обесчечивалось и становилось острым. Он как-то отрёшенно рассказывал друзьям, что сейчас произошло, но ничего дельного в ответ не услышал. Уж больно путали всех возраст Сашка, непонятные слова на руках и лицо страшнее, чем у чёрта.

До самого вечера Максим не выходил из своей комнаты, но чем дольше он думал, тем сильнее в нём пробуждалось что-то опасное, нестигаемое и жёсткое. Мальчик не представлял, как просто возьмёт и отдаст свой доллар взамен на покой прежней жизни.

Эти мысли не отпускали Максима, он чувствовал, как с каждым новым днём возрастало в нём какое-то неимоверное противление зву, но при этом усиливался и страх. Сначала он боялся за себя, представлял, как будет дома сидеть в бинтах, и почему-то был уверен, что когда об этом узнают его родители, то Сашок будет корячиться перед ним на коленях и вымаливать прощение. На горести Сашка ему было наплевать, он же сам старательно сделал всё, чтобы

МАКСИМ

Олеся Аверина, Геленджик

его возненавидели, но вот родители... Он не мог позволить им пережить такой ужас, а слёзы матери для него были ужаснее всего.

Ещё мальчик представлял неизбежную встречу с Сашком и думал, как тогда поступить, что ему ответить.

Дома с плаката на Максима крепким мужским взглядом смотрел киногоер, который, только что положив очередную дюжину злодеев, дымил толстой сигарой и в накаченных руках держал мощный автомат. Сейчас он как бы обращался к Максиму: «Представь последствия, если бы ко мне подошёл такой Сашок?»

Максим сжал кулаки и решил: «Нет, не отдам ему ничего».

И дело было вовсе не в долларе, а в интонации Сашка, как он произнёс свою угрозу вслух.

— Нельзя со мной так разговаривать, просто нельзя со мной так разговаривать, никому не положено угрожать мне и требовать что-то безропотно принести. Как же я буду тогда дальше жить? Всё, что ли, из дома вынесу? Я много слышал про такие случаи. Нет, отстою своё, — нащёптывал Максим.

В этот момент он впервые услышал своё сердце.

«Если это повторится, то я его убью, точно убью», — успокаивал он сам себя.

И дальше решил, что как только Сашок потребует доллар, то он зайдёт с ним в подъезд, но из дома вернётся не с долларом, а с ножом, и за мусоропроводом беспощадно вонзит ему лезвие в брюхо.

У Максима была настоящий нож. Он даже чехол для него сделал с лямкой, чтобы крепить на ремне. Сейчас нож лежал в глубине шкафа, сразу за коробкой с детскими орденами. Когда Максима привозили на дачу, то там он мог часами метать нож в брёвна, добиваясь десяти попаданий из десяти, да так, чтобы острый не меньше чем на два пальца уходило вглубь дерева.

Вот ещё что беспокоило Максима. С друзьями он много времени проводил в подвале своей девятиэтажки. Там ребята оборудовали комнату, приспособив ящики из-под молочных бутылок для сидений, а на серые стены приклеили журнальные вырезки со спортсменами и певцами. Они даже провели туда свет и воду, без чая не обходилась ни одна посиделка. Когда он узнал, что Сашок бывал там с друзьями и выпивал, то понял: с Сашком там встречаться нельзя, это бетонная западня. Поэтому он решил подстраховаться — в чёрном кожухе допроводной трубы под слоем стекловаты он спрятал запасной нож. Через несколько дней он ощутил ещё один страх. Ещё задолго до появления Сашка на лавочке Максим знал его мать. Теперь он не представлял, как будет после «этого» проходить мимо неё, сможет ли взглянуть ей в глаза и что там увидит.

Он часто видел, как она, сядя в простой одежонке, таскала сумки из магазина, развешивала бельё на балконе или разговаривала с соседками у подъезда.

— Как сохранить этот повседневный покой, и почему это волнует только его, а Сашок лишь стремится его нарушить? — недоумевал Максим, но не находил для себя простого ответа.

Появился и другой страх. Бабушка Максима часто говорила ему о смертных грехах, что рано или поздно за всё придётся расплачиваться. Максим помнил эти слова, но что-то его всё равно подзадоривало. Он думал: «Нельзя... иначе нельзя, после тебя сожрут как слабого».

Он выбирал для себя решение, но где-то в глубине души надеялся, что, может, всё само собой разветится и Сашок наконец забудет о долларе, а также о нём самом. Ведь кто он для него? Какой-то школьник из соседнего подъезда.

Теперь, когда Максим выходил или возвращался домой, это было для него испытанием. На лестничной площадке он сначала забирался по трубе к окну и смотрел через фрамугу, нет ли Сашка во дворе, и только тогда торопливой походкой выходил из подъезда. Ему надо было, не поднимая глаз, быстрее пройти это расстояние в три подъезда и выйти к магазину, а там легче затеряться в толпе, лишь бы не услышать, как тебя кто-то окликнул.

Возвращаясь домой, Максим дожидался у магазина знакомых соседей, которые могли бы заступиться за него.

Родителям Максим не мог рассказать обо всём, что с ним происходит. Он не только боялся за их переживания, но и считал, что это будет с его стороны как-то не по-мужски, он должен решить всё только сам.

Ему очень не хватало какого-нибудь родственника, который был бы постарше и опытнее его и кому можно довериться. Почти у всех ребят во дворе были старшие братья, а у кого-то компанейский дядя или того лучше — ухажёр старшей сестры. Мальчик видел, как ребята обсуждали со старшими сложные темы, о которых нельзя было и заикнуться при родителях. Такие люди могли погасить конфликт в несколько слов.

У Максима такой защиты не было. Конечно же, он искал, кто бы мог ему помочь, но никого, никого рядом не было. Он даже мечтал, чтобы случилось чудо и кто-нибудь из взрослых просто подошёл и спросил: «Что с тобой, мальчик, почему ты так изменился, и где твой обидчик, я сейчас с ним разберусь...»

И на этом всё бы закончилось, и опять бы светило солнце и текла бы спокойная жизнь в прежнем округлом мире. Однако Максим с этой тяжестью остался один на один и жил в ожидании чего-то непоправимого, а когда вспоминал лицо Сашка и те слова, что он сказал, то ему становилось страшно, жутко страшно. Когда Максим смотрел на сверстников, то искренне им завидовал. Они могли спокойно ходить в школу, играть во дворе и без опасений хоть по десять раз в день выходить и возвращаться домой.

— Как хорошо жить, когда у тебя нет того, что нужно другим, — размышлял Максим и потихоньку делал вывод на всю жизнь: любая ценность требует защиты, а лучше — тишины.

3.

Когда настали летние каникулы, Максим сразу же переехал жить на дачу. Ночами было ещё довольно прохладно и безлюдно, но не было так страшно, как дома. Своим родителям он сказал, что это нужно для самопознания и развития силы воли, и попросил не вмешиваться. Папа с мамой недоумевали, что произошло, вдруг их сын стал такой хозяйственный: огород вскопает, рассаду полёт и ступеньки на крыльце отремонтирует. Когда же Максим был по делам в городе, то прежде, чем попасть домой, ждал неподалёку, когда отец поедет на автомобиле с работы. Он выходил на дорогу и останавливал его, чтобы приехать вместе с ним. Как раз именно в эти моменты Сашок сидел пьяный на детской площадке с нарисованными вокруг него зверятами и злобно зыркал на Максима, но подойти боялся.

Как-то раз в середине лета у школы Максим встретил приятеля из соседнего подъезда.

— Сашок спрашивает, куда ты пропал.

— Давно спрашивал? — насторожился Максим.

— Да почти каждый день.

Дрожь пробежала по телу Максима, с сердца слетели лёгкие чувства, и ему показалось, что в этот миг он осунулся, он смог придумать только простейший ответ: «Скажи, что ты меня не видел».

И Максим зашагал прочь. Он вернулся на дачу и, дабы избежать помешательства, перенаправил мысли на работу. Вот только работал он теперь иначе. Всюду он представлял Сашка и с ним воевал. Когда забивал гвоздь, то лупил молотком так, что оставлял на дереве ненужные вмятины, а мешки с грунтом не таскал, а зашвыривал точно в цель, словно хотел пришибить ими Сашка. Он стал увереннее вступать в беседы с дачниками и учиться шутить по-мужски, но при этом держать свой интерес в разговоре.

Однако ежедневный страх не покидал Максима, и тут он вспомнил, как тренер по борьбе рассказывал, как бороться со страхом. Максим тут же последовал его совету.

С наступлением сумерек он переплывал на лодке на другой берег реки и гулял по тёмному лесу. Здесь любое шевеление, треск или скрип сухой ветки вызывали такую жуть в сердце, что хотелось быстрее выбежать из темноты — и наутёк домой в постель. Но он держал себя в руках и шёл дальше, привыкал, успокаивался, а после и вовсе вспоминал шутки, анекдоты даже тихо смеялся.

Однажды в лесу, когда за деревьями исчезли огоньки дач, а верхушки деревьев наклонил ветер, он почувствовал, что кто-то идёт ему навстречу. Впереди показалась высокая мрачная фигура в длинной одежде с капюшоном на голове. В этот момент время стало идти как-то иначе и мгновения заметно растянулись. Максим понимал, что незнакомец двигается быстро, но ему почему-то позволялось видеть движения в мельчайших деталях. И если бы незнакомец потянулся за паузу или намахнулся, то Максиму казалось, что он успеет как-то ответить.

«Нет, это не конец, всё обойдётся», — подсказывала интуиция.

Незнакомец приближался, его одежда была чернее леса, и как Максим ни вглядывался в глубину капюшона, он не увидел там лица. Шелестящий ветерок пробежался по руке Максима, когда тот промелькнул мимо него и бесшумно исчез за телами деревьев. Максим поторопился выйти из леса и опомнился только в лодке, когда грёб вёслами к своему берегу. Пересекая лунную дорожку, он вдруг остановился, сложил вёсла и замер. Здесь он ощутил, что весь его страх куда-то улетучился. Он уверенно стоял посреди реки под лунной и звёздами, глубоко вдыхал ночь. И ничего, и главное — он никого не боялся. После этой загадочной встречи он как-то наладил отношения со своим страхом. Он научился им владеть и знать меру, мог смеяться, когда было действительно страшно, и это состояние ему нравилось больше, чем простое спокойствие.

После этого случая он всё-таки прекратил ночные прогулки. Зато стал чаще выходить перед сном на берег реки и смотреть вверх. Что-то подобное приходило на ум в эти минуты: ночью вселенная обнажается и окутывает землю цветом тайн. Посылай мысли звёздам, они мудры и всё дадут вовремя.

Как-то днём на траве перед дачей он тесал брёвна для постройки бани. В это время проходил суховатый дедок с завернутыми рукавами рубашки, где на руках виднелись старые расплывчатые наколки. Максим разобрал только одно слово — «Север». Дедок присел отдохнуть на бревно, закурил папиросу и принялся рассказывать Максиму о своей жизни. Лицо у него было грубое, как кора на брёвнах, а глаза яркие и синие. Максим махал топором, поэтому не всё расслышал, но сразу насторожился ухом, когда дед бросил фразу: «По неписанному закону взрослому придётся ответить, если он наехал на мальчика».

Максим хотел рассказать деду свою историю и попросить совет, как ему поступить, но почему-то не смог этого сделать. В любом случае слова деда приятно понизили Сашка.

Когда пришла пора нового учебного года, домой к Максиму зашёл его знакомый из соседнего класса по класиче Джерри. Это был подросток, воспитанный в криминальной среде. Он

знал лично многих воротил в округе и обладал редкой для того времени предприимчивостью, стоворчивостью, а также располагал к себе упитанной и холёной мордой. Последнее время Джерри всё чаще наведывался во двор к Максиму: шпана всего района полюбила это место.

Они вышли на площадку, и Джерри сказал: «Там Сашок пьяный распригается, что ты ему доллар задолжал. Просил забрать его, иначе он сейчас сам к тебе придёт».

Какой-то решительный холодок пробежался по телу и мыслям Максима. Отведя гостя подальше от входной двери к мусоропроводу, он произнёс: «Джерри, скажу, как есть. Если он придёт, я его убью».

— Ты что, прикалываешься?

— Я серьёзно говорю — если сюда сунется, здесь и завалю.

Максим действительно не врал, но и была в его словах последняя надежда, что Джерри как-то отговорит Сашка и тот образумится.

Джерри замолчал, отвёл глаза в сторону, о чём-то подумал и сказал: «Ни в коем случае этого не делай. За него урки будут мстить и тебе, и семье. Да ты что, в самом деле, за доллар его порешишь?»

— Джерри, ты сам понимаешь, что дело не в деньгах. Ты мне только скажи, зачем ему доллар так сильно понадобился?

— Зачем, зачем? Чтобы шмарам своим было что показать. Дай мне доллар. И живи с миром, я всё улажу, мы же с тобой друзья. Ну ты меня, признаться, сильно удивил.

До этого момента у Максима ситуация решалась победой, а сейчас всё перекосялось и горизонт грядущих событий заметно менялся. Он представил, как несколько взрослых мужчин с тюремными наколками и ножами караулят его в подъезде, но главное — его близких.

Все прежние страхи показались несущественными перед новой неимоверно возросшей угрозой. Сейчас это была уже не личная опасность, а конец всему. Такого он не мог допустить и понимал, что с оравой урок одному ему не справиться.

Вытащив из коллекционного альбома зелёный доллар, он в последний раз им помобовался и передал Джерри. Это было нелегко сделать, но теперь он понял, что его жизнь начнёт новый отсчёт. Он сделает всё, чтобы ни одна шваль даже подумать не могла требовать от него что-нибудь в обмен на повседневный покой.

Теперь Максим стал спокойно выходить из дома и, не глядя на Сашка, проходить мимо него. Однако через некоторое время Сашок широким жестом пригласил его на разноцветную детскую скамейку.

— Ну что, Макс, ты доллар когда мне отдашь?

Этот вопрос обескуражил Максима.

— Так от тебя Джерри приходил и давно забрал его.

— Ты что, меня за дурака держишь?

Первый раз Максиму хотелось взрослому человеку на такой вопрос ответить: «Да».

Но он лишь спокойно поведал о визите Джерри. Тогда Сашок сказал, что найдёт его и сам разберётся. После он раздобыл и предложил выпить мировую. Признаться, для Максима это было унизительно, его подташнивало только от мысли чокаться с этим человеком.

Наверное, Сашок решил, что Максим ещё мал для водки, да и дворовая шпана стала его звать куда-то. В это время Максим отметил, что Сашок не такой уж страшный, как ему раньше казалось. Некоторые линии на его лице были свойственны людям слабым и даже трусливым, и если нужным людям надавить на его мимикку, то Сашок просто поплывёт. Он даже почувствовал, что он не раз сникал под силой слова.

«Вот в чём истинная сила», — осознал Максим, продолжая прямо смотреть на него.

Если бы Сашок только знал, о чём тогда думал Максим...

А Максим глядел на него и радовался, что перед ним сидит живой человек. Коричневые глаза Сашка жуликовато бегали, выискивая что-то по сторонам, а не упирались холодным стеклом в веки.

«Какое же это счастье — обрести уверенность в себе», — подумал Максим.

Пускай он и не вышел победителем из этой истории, но было приятно, что сейчас седая мать Сашка в ярком фартуке, наверное, готовит обед, а не в чёрном платке носит тёмные мысли, и теперь он сможет спокойно посмотреть ей в глаза. И стая урок с заточенными перьями не наведается в их двор.

В свои тринадцать лет он прочувствовал цену тихому домашнему счастью.

А Сашка силком отволокли в сторону его друзья, и они ушли. Во дворе стало тихо. Максим спокойно пошёл домой.

За это лето он заметно подрос, возмужал, перестал кривляться и дурачиться. Вот только стал он замечать — мать Сашка раньше его и не замечала, а теперь, словно картишки раскинула, может, сорока что-то на хвосте принесла, но стала она смотреть на него каким-то осторожным и даже опасливым взглядом...

Позже Максим долго не мог понять, почему шпана, что тёрлась во дворе, завидев его издали, расступалась, а некоторые даже неумело вытигивались, как молодые курсанты, или просто обходили, но всегда в эти минуты он благодарил тот невидимый свет, что расчищал его путь домой.

Михаил Юрьевич Прокушев очень не любил это жаргонное, по его мнению, слово — «фотка». Не нравилось оно ему. Не нравилось — и всё тут. Когда при нём кто-либо говорил кому-нибудь, например, «сфоткай меня», Прокушев морщился.

Неприятное, какое-то пошлое слово, да и наконец просто скучное. Обыденностью, серостью, неприметностью веяло от этого слова...

То ли дело раньше, в прошлые времена... Тогда люди говорили уважительно — «фотография», или ещё лучше — «фотографическая карточка». Это сейчас все то и дело фотографируют друг друга на мобильные телефоны, делают все эти бесконечные «селфи», как будто и русских слов не стало...

Когда-то поход к фотографу был событием. Люди планировали его, готовились к нему, тщательно одевались в лучшие наряды свои, волновались и с нетерпением ожидали, когда же «вылетит птичка»... А потом, получив фотографическую карточку, долгие годы хранили её, помещали в альбом, она жила уже своей жизнью, напоминая о том, что было, что прошло и чего уже не стало.

Часто Михаил Юрьевич вспоминал пять альбомов своего деда. Когда Прокушев был мальчиком, то он подолгу жила в доме деда, затерявшемся среди бескрайней уральской тайги. Вечерами мальчик доставал эти тёмно-коричневые альбомы из старой тумбочки, на которой стоял чёрно-белый «Рекорд», укладывал их тяжёлой стопой на столе, начинал медленно перелистывать. Один альбом был целиком посвящён деду, второй — бабушке, два других — тётюшкам, сёстрам отца, последний — отцу, там же были мамыны и его, Михаила Юрьевича, фото.

Какое это было интересное и вместе с тем умиротворяющее занятие...

За окном — наступающий летний вечер, ещё видны края гор, лес, вокруг тишина, в комнате уютно горит настольная лампа, мерцает экран телевизора, там что-то Зорин вещает о международном положении... Дед сидит на стуле, как всегда, прямо, бабушка — в кресле, открыла в который раз «Воспитание чувств» Флобера, немного сонно смотрит в экран и потихоньку задрёмывает...

А перед мальчиком — лица, лица, лица... Конечно, больше всего ему нравятся военные — ладные, крепкие командиры Красной Армии в гимнастёрках, ловко перетянутые скрипучими ремнями, с кубарями и шпалами в петлицах. А вот и дед среди них — гимнастёрка, галифе, хромовые сапоги, в петлицах — шпала, значит, капитан. Надписи под фото говорили о дальних странах — Ташкент, Самарканд, Ашхабад, Бухара, Кушка... Далёкое время, банды Джунгаид-хана, бои с басмачами, граница. Как говорилось, меньше роты не дадут, дальше Кушки не сошлют...

Нравились и иные фотографии, это уже после войны, а особенно одно фото, где дед снят с братом Александром, оба сидят на венских стульях с гнутыми спинками в белых рубашках и галстуках, рукава смешно перетянуты резиночками, у Александра на носу весело поблёскивает пенсне, а рядом кульманы с чертежами — инженеры...

Время пролетело быстро, ушёл дед, вместе с его уходом ушло детство и вся страна, и в одночасье рассыпалась и их большая семья, где он, дед, был стволем, основой, собирая под свои генеральские плечи многочисленных детей, внуков, внучек, их друзей и приятелей...

Прокушеву совсем недавно исполнилось 50, он не заметил этого, а время неуверенно летело дальше. Иногда он задумывался — многие мужчины уходят в 64, 65, это порог, а вдруг так — что же сделано, а что, собственно говоря, сделано?

Вечерами, возвратившись домой, устало сядя за столом в своём кабинете, Михаил Юрьевич перебирал деловые бумаги, иногда брал в руки книгу — чаще всего Лермонтова, пытался как-то привести свои мысли и чувства, взвихренные дневной суетой, в более нормальное состояние.

Перед ним на столе в коричневой рамочке стояла фотография — маленькая девочка в кокетливой шляпке и аккуратном пальто недоверчиво смотрит в объектив фотоаппарата, крепко держась за руку отца, красивого, как киноактёр, молодого человека с кудрявыми волосами и правильными чертами лица.

Смотря на них, на свою маленькую маму и молодого деда, Прокушев пе-

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

Из коллекции Михаила Юрьевича Прокушева.

чально задумывался над их судьбой... Отец и дочь... Отец — сын помещика, лишенец, из сосланных, князь по происхождению и каким-то образом потом комсомолец, боевой офицер-лётчик во время войны, уйдёт из жизни совсем молодым, вдали от семьи, в Перми, а дочь выйдет замуж, родит сына... как сложатся их жизни, там, в этом тёмном подвальном ателье, они ещё не знают...

С некоторого времени Михаил Юрьевич стал увлекаться собиранием фотографических карточек — по преимуществу чужих, изображающих совершенно ему неизвестных людей.

Сначала он положил себе собирать военных — офицеров и солдат германской войны, но потом как-то незаметно перешёл на собирание фото вообще, в

основном начала века двадцатого. Выбирал фотографии, повинусь какому-то, ему самому, впрочем, не совсем понятному, тайному чувству личной симпатии.

Перед ним вереницей проходили настороженные крестьяне, немного испуганные маленькие гимназисты, brave офицеры с орлиными взорами, самодовольные купцы, смиренные священники, вдохновенные поэты, нежные девушки, озабоченные помещики, даже у фотографа думающие об урожае.

Прокушеву нравились эти образы прошлой, бывшей русской Атлантиды, ушедшего глубоко под воду Китежа, у него появились молчаливые собеседники, которые не надоедали, не докучали ему.

Михаил Юрьевич раскладывал фотографии на столе, медленно рассматри-

вал их, перебирал, качал головой, что-то шептал про себя, усмехаясь...

То он пленялся грациозной юной девушкой в белой шляпе, печально на него смотрящей, то весело смотрел на двух друзей чиновников в зелёных вицмундирах, то задумывался над судьбой молодого офицера-артиллериста в пенсне, нежно держащего за руку свою невесту...

Прокушев стал завсегдатаем интернет-аукционов, где торговали всякой всячиной. В том числе и фотографическими карточками. Продажи здесь строились таким образом — выставлялась какая-нибудь фотография, объявлялась начальная сумма, которую покупатели старались «перебить» друг у друга, и в конечном итоге фотография доставалась самому щедрому.

Михаил Юрьевич, человек в общем-то неазаартный, не на шутку увлёкся этой игрой, и даже в ущерб своему семейному бюджету, но трудно было остановиться, хотелось иметь эти фото, быть рядом с этими людьми...

И вот однажды, блуждая, так сказать, по лабиринтам фотоколлекций, Прокушев даже вскрикнул от удивления. На него с экрана компьютера смотрел он сам, собственной персоной, только одетый в стиле начала двадцатого века — длинный серый сюртук, жилет, часы с цепочкой, стоячий белый воротничок.

Михаил Юрьевич вспомнил, что лет 10 тому назад он решил сходить в театр, на пьесу Уайльда, и оделся, по своему собственному капризу, в стиле серебряного века, а придя к приятелю после, попросил его сфотографировать в таком

виде. Фотографическая карточка вышла прелестная. Прокушев показал её маме, и она сказала, что тут он похож на своего прадеда, рязанского помещика, это фото мама видела девочкой, а потом, когда отец уехал в Пермь, фотографию забрал с собой.

И вот теперь перед ним — его же фото! Михаил Юрьевич был крайне поражен. Как оно попало в сеть? Зачем выставлено? Хотя понятно, зачем...

Он ринулся проверять альбомы... в нужном месте фотографии не было... Как? Кто мог её взять? Тут Прокушев хлопнул себя по лбу и нервно засмеялся. Ах, разиня! Да он же сам вынул из альбома фото и вставил его в рамочку, вот и оно, на книжной полке, рядом с сочинениями Гамсуна...

Но тогда как же оно попало к продавцу? Однако Михаил Юрьевич решил отложить расследование на потом. Нужно было что-то делать, не оставлять же себя самого там, в бездонной паутине... Прокушев решил участвовать в торгах, чтобы выкупить фото.

Аукционная цена была установлена с одного рубля. Сначала Михаил Юрьевич делал сравнительно небольшие ставки, постепенно их увеличивая, вследствие чего незначительные соперники отстали. Прокушев уже успокоился и торжествовал победу. Однако внезапно появился опасный конкурент, который стал резко повышать цену покупки. Михаил Юрьевич встревожился, удвоил ставки, конкурент утроил, Прокушев дал в пять раз больше и подумал, что более не сможет повышать — не было денег. Следующий удар сразил его — конкурент поднял ставки до 20. Безумно, но Михаил Юрьевич ещё раз уперся, доведя до 25. Тридцать — так поставил покупатель, и это был конец. Фотографическая карточка ушла к конкуренту.

Сказать, что Прокушев был расстроен, было нельзя — он был полностью смят этой неудачей. Его фото купили, оно станет чьей-то собственностью, им будут любоваться и даже с гордостью показывать гостям... какой ужас!

Но я же жив, жив, это я! Он хотел кричать, жестокое смущение овладело им. Лучше бы он никогда не видел этой фотографии, не узнал бы о ней...

Его возмутила подпись продавца, поясняющая, что это фото образца 1916 года и это неизвестный член Государственной Думы. Прокушев решил написать продавцу, что это никакой не думец, а он, Михаил Юрьевич Прокушев, скромный провинциальный адвокат с невинным увлечением... На ответ он особенно и не надеялся. Однако неожиданно продавец ответил и сообщил, что фото действительно подлинное, он подверг его даже экспертизе, да и на самом паспорту надпись — снято в фотоателье «Братья Булла» в 1916 году...

Михаил Юрьевич был озадачен. Как же он упустил эту деталь — подпись под фотографией, наверное, от волнения...

Делать было нечего. Или это правда, или чья-то дьявольская шутка, или какое-то странное совпадение. Прокушев вспомнил, что давно, когда ему было 25 лет, на улице в Москве его окликнул незнакомый господин, назвав его Андреем, тогда он не отозвался, господин нагнал его и стал осыпать укоризнами, что нельзя не узнавать добрых знакомых. Когда же Михаил Юрьевич сказал ему, что он с ним незнаком и он никакой не Андрей, господин потребовал объяснений, и Прокушев даже показал ему паспорт, чтобы тот отстал. Потом, правда, господин извинился за свои укоризны и рассказал, что он, Прокушев, как две капли воды похож на некоего Андрея из Новосибирска, кандидата наук...

Внезапно Михаил Юрьевич получил сообщение от продавца, который просил его прислать ему на почту свою фотографическую карточку. Прокушев исполнил его просьбу. Через какое-то время продавец написал, что просто поражен сходством, и признался, что про депутата думы придумал легенду намеренно, хотелось побольше получить за фото, а на самом деле фотография пришла из Перми, изображён на ней был кто-то из семьи князей Горенских...